

ЕЛЕНА КУКОЧКИНА

Дом по улице Горького

Елена Кукочкина

Дом по улице Горького

«Автор»

2026

Кукочкина Е. П.

Дом по улице Горького / Е. П. Кукочкина — «Автор», 2026

Конец 90-х — время на переломе эпох. Еще живы воспоминания о советском детстве, но уже слышны отголоски нового века. И в этом особенном времени самое яркое воспоминание: лето у бабушки в военном городке под южным палящим солнцем. Здесь рождаются детские шалости — от поиска сокровищ до охоты на воробьев. Здесь, за семейным столом, празднуют дни рождения и делают фотографии на плёночный фотоаппарат. Здесь учатся любить, дружить, ссориться. И впервые осознают, что ценить надо каждое мгновение, что жизнь не так бесконечна, как хотелось бы ребёнку. «Я писала эту книгу со смехом и слезами, вкладывая в каждую страничку частичку души. Я верю: эта история откликнется в вашем сердце, поможет вспомнить детство и тех, кого вы любили и любите. Потому что это история не только моя — она про нас всех».

© Кукочкина Е. П., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Дом по улице Горького Пролог	5
Глава 1. Остановка «Спутник»	7
Глава 2. Цветущий двор	9
Глава 3. Утро, труд, вечер	11
Глава 4. Бабушка	17
Глава 5. Дед Лёшка	20
Глава 6. Дети	25
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Дом по улице Горького

Дом по улице Горького Пролог

Папа говорил, что я стану писательницей. И обязательно напишу о его родном селе «Пологом Займище», что по сей день находится «на севере» Астраханской области. Про его заливчатское детство, сотканное из приключений соседской детворы, опишу природу, всех родных и незблемые традиции того времени.

Я стеснительно отнекивалась. Ещё не чувствовала себя писательницей. Да и какой я была писательницей на втором курсе университета? Кидала ему в ответ: «Сам бы взял и написал». На что папа долго думал, потирал пальцем подбородок и отвечал, разводя руками: «Хотел бы написать, много размышлял. Только как? Не знаю. Да и не получится у меня». На этом разговор заканчивался.

Честно признаюсь, папа грешил душой. Он был хорошим рассказчиком, вспоминал такие детали, которые память прячет от нас в самые потаенные уголки мозга. Но его память всё помнила.

Папу можно было слушать часами. Он сидел на любимом кресле в углу зала. А иногда и за столом, когда заканчивалась вечерняя трапеза. Мог долго невидящим взглядом прорезать пустоту и будто погружать в то время, когда сам был молодым. Он говорил: «А рассказать вам про...». И сразу глаза его загорались, а движение рук предвосхищали события. И тогда мы узнавали про большущую рыбу, сомов-гигантов, ерики залитые весенним половодьем, сенокос, бабушкины пироги с рыбой, его любимицу корову Марусю... Мы словно видели наяву всё то, о чем говорил папа.

Папа был хорошим рассказчиком. Только, как записать — не знал. Я тоже не знала. А когда осознание пришло — стало слишком поздно. Я опоздала всего на несколько дней, не успела приехать в родной город. Папа не смог меня дождаться.

Так случается, жизнь не спрашивает у людей, когда заканчиваться. Она сама всему хозяйка. Отсчитывает каждому из нас свое время.

Поэтому.

Папа.

Прости.

Но про село не в этой книге. Я знаю, ты бы меня простил. Провел бы по моей маленькой ручке своими большими крепкими пальцами, посмотрел уставшими голубо-серыми глазами и кивком головы улыбнулся.

Папа дал мне самое главное в жизни — любовь родителя. И свою удивительную функцию — помнить всё, до каждой детали. Погружаться глубоко в прошлое и доставать по фрагменту то, что другие так хорошо не вспомнят. Спасибо, папа!

Я покручу калейдоскоп памяти и сложу из ярких пятен замечательные картинки моего детства. Оно у меня было самое лучшее. Где-то смешное и веселое, где-то со слезами и обидами. Год от года мне исполнялось семь, восемь, а потом и одиннадцать лет стукнуло. Но для меня это детство. И связано детство с летом, бабушкой Клавой и дедушкой Лешей, моими тремя сестрами, дворовыми собаками, раскидистой яблоней, запахом старых книг и бабушкиной вкусной поджаркой к рыбе, загадочным чуланом с его скромными пожитками, прогоркшим табаком деда и песнями с виниловых пластинок. Детство, которое не забыть никогда. Детство... в доме по улице Горького.

Посвящается папе, маме и моим родным.

Я знаю, что заставлю вас вспомнить

*слишком многое,
расплакаться и от души улыбнуться.*

Глава 1. Остановка «Спутник»

Бабушка Клава жила по детским меркам далеко. Нужно выйти с мамой из дома, тащиться минут десять до остановки, ждать автобус, проехать одну остановку и выйти.

Иногда, когда автобус задерживался или мама просто предлагала прогуляться — мы шли пешком. Мы шагали по тротуару вдоль главной улицы Волгоградской маленького военного городка под названием Ахтубинск, что находится на севере Астраханской области. По бокам от дороги стояли дома, обычные дома, в основном деревянные, с маленькими окошками и крышей из шифера. Чтобы как-то скоротать время я тыкала пальцами в таблички на домах и просила назвать номер. Для меня это была игра, а вот для мамы мучение. Ее дочь Лена отказывалась запоминать цифры. Моей детской памяти поддавались только легкие цифры — пять, двадцать два или семьдесят семь. Но мама не сдавалась: «А это какое число?». Лена округляла глаза, рылась в кладовой памяти и понимала, что там пусто. Тогда мама со вздохом выдавала ответ.

Серединой нашего пути считалась аптека. Там работала моя мама Наташа. Она у меня фармацевт. Умела делать лекарства, смешивать, завешивать. Я часто приходила к ней на работу, когда училась в музыкальной школе. Музыкальная стоит здесь же на Волгоградской, рядом с бабушкиной остановкой. На маминой работе мне поручали ответственное задание — проставлять на этикетках штампель и вырисовывать букву К, что значит сделала «Куочкина». Я гордилась такой работой. Она мне нравилась, с ней время пролетало незаметно, пока я ждала маму. Меня в аптеке знали все женщины. Я была таким вечным маминым хвостиком. Тоже знала маминых коллег, но не всех. Слишком много имен и лиц, особенно для той, которая номера домов запомнить не может. Но здоровалась я, обязательно, со всеми.

Когда мы проходили мамину аптеку, оставалось совсем немного. Но мне этот путь нравился гораздо меньше — приходилось идти мимо заброшенного старого детского сада, откуда веяло унылостью и разбитыми детскими мечтами. Мимо длинного дома, отштукатуренного и выкрашенной потускневшей коричневой краской. Там жили то ли цыгане, то ли беженцы. Потом проулок, вечно мокнувший в грязи в сыкотную погоду — обходишь его по проезжей дороге, музыкальная школа и остановка «Спутник».

От остановки по улице Горького, практически до самого ее конца. Здесь ты чувствуешь предвкушение встречи, разглядываешь дома, утыкаешься глазами в бетонированную дорожку, протертую до галечного камня. Знаешь все выбоины, перепрыгиваешь через трещины — игра такая у детей, ставить ногу так, чтобы не попасть в трещину, а еще успевать идти за мамой и не забыть, что здесь на домах тоже есть цифры. А вот последний пролет до бабушкиного дома — не просто перечислялись цифры, а назывались имена людей. Там живет бабушка Лида, там семья Ткачевых — у них дочка Люда, подруга моей сестры Марины. А вот в этом доме — старуха Шапокляк. Ничего ехидного от мультяшного образа старая женщина не имела. Наоборот, она была доброй бабулей с рыжей копной волос, острым носом и в шляпке. Жаль, что имени никто не помнит, да и называли женщину старухой Шапокляк только мы.

И, наконец, бабушкин дом. Белый, кирпичный с деревянными высокими воротами. Дом смотрел на улицу тремя окнами в белых рамах, строгими зелеными ставнями. Соседом напротив была Сельхозтехника — там находилось все оборудование сельхоза. С приходом 90-х предприятие медленно приходило в упадок. Но именно там работал дед Лешка начальником ремонтной мастерской.

К белокаменному дому присоединялся палисадник. Он был обнесен сеткой-рабицей, приваренной к металлическому каркасу. На этом каркасе можно было сидеть. Залезешь и попой ерзаешь до угла, балансируешь руками, ногами цепляешься за железную сетку. Кто

дальше по забору сможет продвинуться и не спрыгнуть — тот и победил. Мы так всегда с сестрой Оксаной делали, пока бабушка разговаривала с какой-нибудь соседкой. Стоять и просто слушать — невыносимое занятие для детей.

Когда возвращались домой от бабушки, не всегда шли на остановку. Часто сворачивали с Горького на улицу Баумана. Широкая проселочная дорога, пустая от людей и машин, позволяла бегать туда-сюда — раздолье. Да с тому же дорога выводила прямо в город на центральный рынок. А если рынок — значит, можно у мамы выпросить чего-то вкусенького. Чего-то такого, что кажется особенно вкусным только в детстве.

Глава 2. Цветущий двор

В бабушкином палисаднике ничего не приживалось. Ирисы росли тоненькими, бархатцы — чахлыми. Одна надежда на березу, которая притаилась в уголке. Но и та словно старушка опиралась на забор из сетки-рабицы, как на клюку, тянулась ветками к прохожим, что норовили оборвать ее сережки и ветки. Не береза, а плакучая ива.

Но несмотря на неприглядность палисадника, во дворе у бабушки стояло буйство красок. Самой буйной слыла петуния обыкновенная. Ею были увенчаны дорожка от ворот до дома, и от дома и до летней кухни. Петунья росла как сорняк, сама вылезала по весне, все лето сменялась фиолетовый на белый цвет, а осенью увядала, чтобы возродиться после зимы.

С весной приходили в себя тюльпаны. Они вылезали раньше королевы-петунии. Желтые и красные, от забора и к дому. Там же теснились и бархатцы, сами размножались и вели вечную борьбу с королевской знатью, то бишь петуньей. Как петунья терпела бархатцы — неизвестно. Ведь бархатцы — не только красивые цветы, их еще называют имеретинский шафран и добавляют на Кавказе в соус сациви.

В маленькой клумбе, украшение двора, также росли тюльпаны, за ними расцветали тонкие розовые пионы, оранжевые ноготки, ромашки, в сентябре — астры. Коньком клумбы считались высокие подсолнечники. Подсолнечники были большими, тяжелыми, с вечно сухими листьями. Семечки подсолнечника никогда не доживали до полного созревания. Все склевывали ненасытные воробы.

Никаких изящных кустов роз, разноцветных флоксов или гербер у бабушки не имелось. Все, чему нужен особый уход, не выживало. Правда, были гладиолусы, их приходилось высаживать каждую весну. Они даже нравились старшей дочери бабушки — Ирине, наверное, от того, что расцветали на ее день рождения в конце июля.

Однажды Ирина топнула ногой и сказала: «Хочу цветы, море цветов на день рождения». Все посмотрели на нее с некоторой опаской. А не помешалась ли? Средняя сестра Наташа высказала общее мнение: «Ирка, сумасшедшая!». Но Ирка не сдавала позиций. Если уж день рождения наступает, то нужно праздновать, как того душа просит — с размахом.

Размах должен быть чрезмерным, если цветы — так во все вазы. Если стол накрывать — так, чтобы ломился. Правда, гармонь не рвали, драк не устраивали. Как объясняла свои замашки Ира — именно цветами заваливали ее коллеги-мужчины на праздники. Но, откуда взяться такому количеству мужчин, чтобы подарить желаемое количество букетов? Дело в том, что тетя Ира работала на Севере в нефтяной компании, и предоставить ей коллег прямо здесь и сейчас не имело возможности.

«Я куплю себе цветы сама!», — заявила будущая именинница, оттопырила задумчиво губу и насупила брови. Все негласно поняли, что вход на торжество будет только по заранее купленным букетам.

Наступил долгожданный день рождения.

— Иринка, зачем тебе столько цветов? — спрашивала ее мать.

— Затем, — отвечала Ирина, любуясь первым букетом, за которым сама же и сбегала с утра пораньше на рынок. Ира боялась, что родственники забудут просьбу и цветов не принесут.

Но Ирина ошиблась. Букетов приносили сразу по две штуки. И все гладиолусы. Какая разница, что те же цветы росли у бабушки в клумбе. Суть — купить, принести, подарить. Красные, белые, оранжевые — калейдоскоп из гладиолусов и жиденькой травки. Высокие гладиолусы на рынке помещали в упаковочный конвертик — с одной стороны блестящая основа по типу фольги, а с другой — прозрачная упаковка с белой окантовкой-рисунком для красоты.

Никаких тебе слоев разноцветной бумаги, как делают сейчас. Стандартные упаковочные конвертики, которые снизу подвязывали цветной лентой.

У бабушки была всего одна ваза, подаренная на первое мая предприятием. В ней отказывались стоять длинные гладиолусы, поэтому вход шли банки и бидоны. Так как летом в основном праздновали день рождения на улице под навесом летней кухни, букеты выставлялись на входе в доме. Чтобы каждый, кто сунул бы в дом нос — сразу смог восхититься тем, сколько букетов Иринке подарили.

С каждым своим днем рождения тетя Ира привозила еще особый рецепт блюда, который мы отродясь не пробовали. Так на наших столах появилось «Мясо по-французски». Это сейчас блюдо кажется избитым и тривиальным, а тогда, в 90-е, — настоящая заморская вкуснятина, еще и французская, как мы считали. В следующий год Ирина привезла закуску — кружки помидоров, сверху начиненные смесью из майонеза, чеснока и сыра. Я такие до сих пор ставлю друзьям на стол, все восхищаются и просят рецепт. Ведь простота часто становится залогом успеха, если не бояться ее применять.

Обязательным сценарием всех дней рождений тети Иры была фотосессия. С невероятными усилиями у каких-то друзей брался ценнейший пленочный фотоаппарат.

Фотографии начинались и заканчивались цветами. Сначала Ирина, держащая на руках, словно любимого младенца — красный букет гладиолусов, за ней сестры и дети. Затем общее фото, которое делалось где-нибудь в огороде, под яблоней, на фоне буйства зелени ботвы картошки или винограда. Обязательное фото с сестрами, фото за столом, фото детей, фото с бабушкой и дедом.

Посмотреть фотографии на пленочном фотоаппарате было невозможно. Часто фотографии засвечивались, забраковывались и, вообще, никто не задумался о балансе белого, контрасте, яркости. Главное, вспышку отключить, чтобы не было у всех красных глаз, как у вампиров.

В конце семейной фотосессии вспоминали про цветы. Столько букетов! Их, конечно, нужно запечатлеть еще раз.

Букеты в бидонах и банках вынесли за дом. Никто не посмотрел, что стена за домом хоть и кирпичная, но промазана бетоном как кляксами, что рядом лежит лестница и вход в подвал чернеет пятном. Но все согласились, что смотрится хорошо. Ведь, главное — цветы.

В итоге фон на фотографиях выдался не очень. Но это неважно, потому что фотографии до сих пор хранятся у каждой сестры в семейном фотоальбоме. Неважно, что фотографии не такие хорошие, как бы сделали их сейчас. Но они хранят воспоминания о том времени, в котором мы все были вместе. Том времени, которое нам не вернуть назад.

И пока не забыла.... Не важно, что гладиолусы росли бесплатно прямо в клумбе на бабушкином дворе. Если вам хочется особенного праздника, делайте этот праздник для себя.

Глава 3. Утро, труд, вечер

Каждый год с нетерпением я ждала наступления лета. Ходить в детский сад, есть по режиму, спать по приказу, а еще надевать на голову панаму в цветочек — было мукой. Даже переход в школу, в начальные классы, где можно летом уехать в лагерь и веселиться с ребятами — не вдохновлял. Другое дело — бабушка, ее дом, огород, сад и старшие сестры, что приезжали на все лето из другого города. И даже мошка, появляющаяся в июне, после половодья, не портила настроения.

Тогда мне казалось, что бабушка и лето — невозможны друг без друга, что это главные составляющие слова «счастье». Что чувствовать себя живой, наполненной до краев энергией можно только, когда мама и папа рядом, приводят и забирают меня в дом по улице Горького. А там стрекот кузнечиков, бабочки-капустницы кружат над цветами с белыми крыльями, запах яблок, прохлада утренней росы, легкий ветерок и яркое голубое небо. Простые вещи казались нашим собственным островком безмятежности, о котором никто не знал.

Но, если смотреть трезво, все было как у всех. Конец девяностых. Родители работали — одно предприятие развалилось, папа ушел на другое, коммерческое; мама тоже сменила работу; бабушка с дедушкой жили на мизерную пенсию. Но мы, дети, ощущали радость в шелесте листвы, в кустах фиолетовой петунии, что срывали и пытались играть в «салон красоты», вплетая цветы в косы. Радость была и в початках кукурузы, которую так любила тетя Алла: сначала очистить, затем подождать, пока вода закипит, когда закипела — варить двадцать минут, а затем посыпать солью и обжигать пальцы и губы. Радость была и в первом разрезанном на всех сладком арбузе, и в дыне, которая пахла так, что с улицы слышно. И в игре с дворовыми собаками, чириканье воробьев, круглом подсолнухе, в обжигающей ледяной воде из колодца....

Хотя... если задуматься. Возможно, счастье заключалось в самой бабушке Клаве, которая не умела опускать рук и никогда не показывала нам, детям, что жизнь намного трудней, чем кажется. Что праздность знаем только мы — поколение детей, которым позволили жить в беззаботности будней.

Бабушка Клава лечила себя трудом. Всегда вставала утром рано, когда солнце еще спит, а за окном уже по-летнему светло. Надевала рабочее платье, мыла лицо и руки в кадushке с дождевой водой и уходила в огород. Нужно все дела переделать, пока солнце не поднялось высоко и не раскалило землю до трещин. Где траву прополоть, где взрыхлить почву, после полива. А еще накормить собак, кур, собрать яйца, приготовить завтрак или обед.

Мама Наташа успевала привести меня до работы, что начиналась в половину восьмого утра. Распрощавшись с мамой, я забегала по ступенькам в дом. Там стояла сонная тишина.

Дед Лёшка кряхтел, улегшись на жесткую софу, иногда он открывал широко рот, запрокидывал голову с растрепанной шевелюрой седых волос и храпел. Спал он всегда одетым, потому что вечно мерз. Только летняя жара могла раздеть его до майки и переселить на самый вход в дом, где он устраивал лежак — там тонкая струя прохлады проходила через сетчатую дверь, попадала на его сухую старческую кожу. При этом дед мог укрываться тонкой простыней, а еще носил летом носки и страдал насморком.

На цыпочках я прокрадывалась мимо деда. Дверей между комнатами не было, только плотные занавески песочного цвета висели по обе стороны от дверного косяка. Я раздвинула занавески, прошла через зал и оказалась в спальне. В спальне, уткнувшись каждая в свою подушку на двух разных кроватях, спали сестры. Марина — самая старшая — каждый раз, как говорится, сдавала на пожарника. Она любила погулять вечером с подружками и ложилась поздно. Сестра Оля — на три года младше Марины — вставала рано, выгуливала собаку Джину, а потом ложилась досыпать.

В то утро в спальней стоял полумрак. Под потолок поднималась сладкая дрема предутренних грез. Джина замотала головой, обнюхала мою ногу, и, определив, что хозяйке ничего не угрожает — улеглась спать.

Я поняла, что ловить в доме нечего, и тихонько вышла. Оставалось дожидаться, когда тетя Алла приведет еще одну мою сестру Оксану, что старше меня на год, и вот тогда начнется шум, игра и веселье.

На крыльце дома, не боясь никого разбудить, но все же тише обычного, прокричала: «Бабушка!».

— А-ки! — ответила бабушка из огорода. И я помчалась.

Бабушкин огород представлялся таким микромиром. Целая вселенная, которую ограждали могучие деревья: огромная раскидистая яблоня, груша, что по весне каждый раз превращалась в невесту, абрикос со сладкими желтыми с розовым бочком плодами. Черешня маленькая, не желающая расти. Вишня мелкая, кислей лимона, а когда повисит и дойдет до коричневой корочки — сладкая. Вдоль длинного забора малинник. А рядом с домом раскидистый виноград, создающий тень, с черными увесистыми гроздьями. В таком огороде можно было заблудиться, заплутать, потеряться в игре и мыслях.

Для удобства прополки травы в огороде мастерили низенькие табуреточки, которые больше походили на подставку для ног. Такими табуреточками пользовались пожилые люди, чтобы сидеть над грядкой и дергать траву. Но бабушка табуреток не признавала. Она наклонялась к земле всем торсом, широко расставив ноги. Считала, что так быстрее, да и ноги затекут сидеть на табуреточке, что потом не встанешь. После прополки, поливала грядки. Бабушка стояла, подперев одной рукой бок, и задумчиво слушала, как земля жадно впитывает влагу. Утреннюю тишину только и нарушали чирикание воробьев, дуновение свежего ветерка, да отдаленный крик петуха, который опоздал на утреннюю зорьку. Вот она — целебная сила только тебе принадлежащего мира. Кузнечики стрекочут в унисон неспешным мыслям, соседский петух разгоняет тоску, а яблонька убаюкивает боль шелестом листьев. И все плохое уходит, не оставляя следов. Тишина. На сердце и на душе.

Труд и утреннее спокойствие лечили бабушку, исцеляли. Да и как можно болеть, а главное — когда? Ведь дел непочатый край: огород, закрутки, домашняя живность, готовка, уборка, в магазин или на рынок сходить, а еще внушек целый дом. Как можно лежать и думать о себе, когда в голове список дел? Выйдешь в огород, увидишь, что огурцы сохнут, а помидора повяла ботвой, сразу и колоть, и болеть перестанет во всех местах. Не было такого дня, чтобы бабушка сказала: «Девочки, вы тут сами как-нибудь, а я пошла с соседкой лясы точить». Если к соседям и ходили, то всегда по делу, а не чай пить.

Бабушка позволяла себе и отдых. Обеденный перерыв — самая жара. Столбик термометра летом поднимается выше сорока градусов в тени. На то он и юг, на то она и степь. В обеденное время закрывали ставни в доме и ложились прикорнуть. Но если на грядках поспевали овощи, то какой спать? Закрутки надобно крутить. А если стирка, то в обед на солнце высохнет моментально. А еще нужно яблоки собрать и после обеда, когда все побегут с работы, оказаться на рынке за прилавком и продать пару ведерок. Дел выше крыши.

Самый большой перерыв бабушка делала, когда садилась смотреть сериалы, в основном в вечернее время. Тогда, в 90-е годы, как раз хлынули потоком мыльные оперы. Смотреть их было джуже интересно. За судьбами героев «Санта-Барбара» или «Воздушных замков» следила вся страна. Но не всегда бабушка сидела и смотрела от начала до конца серию, в перерывах на рекламу она бегала перекладывать шланг из грядки в грядку, помешивала варенье на плите. Могла и совсем увязнуть в работе, и тогда приходилось звать бабушку к телевизору, ведь с ней интересно смотреть, она искренне сопереживала героям, восклицала, комментировала их несуразные поступки. Заканчивалась серия на самом интересном. После чего бабушка опять принималась за работу.

Бабушка отлично знала, что такое усталость. Но никогда не жаловалась ни на усталость, ни на боль. Она, как пчелка, не останавливалась ни на минуту. Все крутилась и крутилась. Это сейчас нас учат рефлексировать, делегировать и любить одних себя. Мы слушаем психологов, говорим о чувствах и вздыхаем насчет ментального здоровья. Раньше главной позицией было «выжить». А чувства и эмоции, красивые слова о любви и мечтах — оставляли поэтам или тем, кто не от мира сего. В настоящей жизни, что течет здесь и сейчас, главное к зиме подготовиться — закруток накрутить, картошки накопать, рыбы засушить, яблоки, морковь, лук, свеклу, чеснок, капусту на зиму уложить в погребе так, чтобы до весны хватило. И пока бегаешь, стираешь, готовишь, убираешь — значит, живешь. А еще про детей не забыть. Детей раньше не воспитывали, умных книг не читали. Детей раньше поднимали. Первое — это одеть, обуть, дать образование и женить. Остальное не так важно.

А картошку как сажали? Один посев в мошку чего стоял. Картошку сажали так много, что одной семье в наше время столько не пригодится — съесть не успеют, испортится. Когда была маленькой, картошку сажали в степи в специальных чеках — бывших колхозных угодьях. За выделенные чеки платили, за ними следили — поливали специальной поливальной машиной и вроде как обрабатывали. Делянки картошки шли по фамилиям — семья к семье. После полива и первых всходов, приезжали рыхлить землю и под каждый кустик делали насыпь. По осени картошку выкапывали ведрами. Ведра картошки пересыпали в мешки, а мешки в «Маз» с голубой кабиной, что был у папы от предприятия. Упахивались на картошке так, что спина, ноги и руки потом болели, будто тебя самого лопатой перепахали. Но выкопать картошку — это одно дело, другое — ее надо еще разложить в гараже, просушить, перебрать, какая на еду в первую очередь, какая сохранится, а какая пойдет на посев на следующий год, и все уложить в погреб на зиму. Это еще сутки или двое полноценной работы. Но ведь не только в степи сажали картошку, обязательно нужно ее посадить и в собственном огороде, а если есть земля нетронутая перед домом или за домом — тоже использовать под картошку. И все лето окучивать, окучивать, поливать, заливать, бороться с колорадским жуком. Зачем столько картошки? Сейчас пойди на рынок, да купи сколько угодно, да в любое время. Но тогда картошка считалась вторым продуктом после хлеба. Картошка — тоже всему голова, на ней можно продержаться зиму. И если наступит голод, война или обвал рубля, картошка спасет семью. А если год урожайный выдался и картошки собрали много, так и продать можно — лишняя копейка никому не помешает.

Вода в грядках журчала, солнце выглядывало из-за крыши дома и цепляло жаркими лучами растительность, а бабушка не переставала ковыряться в земле. Земля забирала все переживания, тревоги и заботы, недоступные детскому зору. Я перепрыгивала с грядки на грядку, спрашивала бабушку о всякой ерунде, она выбирала огурцы, терпеливо отвечала, не пропускала ни одного вопроса.

Бабушка никогда не заставляла нас, детей, трудиться. Помочь отнести огурцы и помидоры в летнюю кухню, проследить, когда грядка наполнится водой. Что-то отнести или принести — это совсем не труд, это часть игры. Если бы на нас возложили более сложные задачи, думаю, мы бы справились. Но никто не считал нужным заставлять детей трудиться. Возможно, слишком тяжелое было прошлое и хотелось, чтобы хотя бы дети о нем не знали.

К девяти часам утра становилось жарко, а к десяти — нестерпимо. С бабушки пот лил градом, к телу противно прилипала одежда. Она бросала заниматься огородом, заходила в летний душ, сооруженный из огромных листов шифера. На полке стоял ромашковый шампунь, и лежали бруски дешевого мыла, пахнущего яблоками и земляникой. Вода в душе, что поступала из большого железного жбана на крыше, еще не прогрелась на солнце и хорошенько бодрила. Я ждала бабушку рядышком, сидела на скамейке напротив душа. По просьбе бегала то за полотенцем, то за сменным халатом.

После душа, смыв с себя утренний труд, бабушка шла в кухню. Летом никто не готовил в доме. Если готовить еду дома, спать ночью станет невозможным. В жаркие дни ночью столбик термометра не опускался ниже двадцати двух, а если еще весь день кашеварить в доме, то сроду не уснешь. Это сейчас у нас в каждой квартире системы кондиционирования стоят, а раньше спасались от жары — кто как мог. В ночь открывались все двери и окна, чтобы хоть немного продувало. Люди переползали с кроватей и диванов на пол, а, если совсем не вмоготу, укрывались смоченной в холодной воде простыней. Поэтому у каждого во дворе стоял основной дом и где-нибудь рядом летняя кухня. Весной кухню мыли и, как становилось тепло, перевозили плиту, часть посуды, приборов и припасов, чтобы готовить. У бабушки была не просто летняя маленькая кухонька. Строение больше походило на серьезное жилое помещение с низкими потолками и двумя комнатами. Одна комната — поменьше, там готовили, вторая — большая, в ней печь стояла, два холодильника бурчали старыми уставшими моторами, стол, железная на пружинах кровать, зеркало. Осенью в этой комнате расстилали брезент, и перебирали картошку. Зимой отапливали и стирали, а летом готовили. В комнате поменьше стояли потускневшие деревом буфеты, круглый стол, куда ставили банки-склянки и все, что необходимо для готовки. Здесь же у бабушки, сколько себя помню, царил творческий беспорядок, в который лучше не лезть, ибо у нее все лежало под рукой и на своих местах.

В кухне тесто уже подошло и переваливалось боками через край чашки. Бабушка любила готовить пышки. Рецепт простой. В теплой воде с добавлением молока растворить сухие дрожжи, обязательно масло сливочное и яйцо, сахар, щепотка соли. Оставить тесто отдохнуть, подождать пока выйдет из «берегов» железной миски. Отщипывать тесто, делать из него шарики. Шарик расплющить скалкой, ножиком сделать на пышках надрезы и на сковороду в кипящее масло. Одну сторону обжарить и накрыть крышкой. Уже готовые пышки обильно полить топленым маслом. Правда, чаще завтракали мы бутербродами и тем, что найдем в холодильнике. Бабушка более сосредотачивалась на готовке обеда и ужина.

Когда приезжала тетя Ирина — старшая дочь бабушки — она помогала матери с готовкой и закрутками, а еще бегала в магазин и устраивала настоящее пиршество. Но даже если никаких кухонных изысков нам не заблагорассудилось попробовать, то всегда под рукой был огород, а там огурчики, помидорчики, а вкуснее всех — яблоки «Белый налив». Их можно есть в любом состоянии, не дожидаться, когда поспеют, ведь зелеными они еще вкусней — червяков не сыщешь, а от кислинки приятно сощуришься.

Помню, как решила кашеварить. Что я хуже бабушки и тетки? Задумала приготовить особенное блюдо, которое никогда еще не ели за столом. В обычный салат из помидоров и огурцов место зелени добавила те самые яблоки, мелко нарезанные, и все заправила майонезом. Мне жутко не понравилось, а вот сестра Оля, наоборот, оценила мое творение, сказала, что вкусно, доела салат. На этом все. Больше так, как я, никто не издевался над яблоками. Я же подумала, что готовка — это не мое, не умею я, как эти повара из телевизора, все красиво смешивают и перемешивают, а по итогу вкусные блюда выдают.

Хлопала деревянная дверь, появлялась Оксана, и я напрочь забывала обо всем. Мне хотелось больше играть, чем помогать бабушке или следить за тем, что она говорит. Единение с бабушкой, наше чувство наполненности друг другом пропадали. Пространство в один миг расширялось, становилось весело, шумно, задорно, в голове появлялась куча мыслей, что делать, как делать, во что играть и чем заниматься. Впереди целый день, наполненный делами и открытиями.

Вечер. Из большого окна над столом, что стоял на летней веранде дома, виднелся закат. Прозрачное голубое небо с нежно-лиловыми облаками. Облака — пушистые нежные подушечки — впитывали оранжевые лучи солнца. Я сидела за столом, смотрела в окно, на верхушки деревьев, на горизонт, скрывающийся за зеленью и постройками других домов, и ждала, когда за мной приедут родители, заберут домой.

Из форточки задувал легкий ветерок. Наконец-то прохлада. Ветерок тонкой струйкой вмешивался в нагретый воздух, приносил с собой свежесть, отдых после утомительного дня.

Я сидела за столом и думала: «Неужели еще один день закончился? Так быстро! А что будем делать завтра? Надо же игры придумать! А ведь впереди ночь, осталось мало времени, чтобы подумать», потому что ночь полна грез и мечтаний, ночью приходят удивительные сны, полные надежд и сбывшихся желаний.

Солнце опускалось все ниже и ниже, дом погружался в темноту. Никто не включал свет. Считалось, что комары налетят, да и свет опять же нагревает помещение, а нужно, чтобы оно остывало.

Я обернулась, посмотрела за порог, вглубь дома. Темный дом казался пустым и одиноким. Будто сумрак пробирался не только через заросли кустов и ветки деревьев, навевая страх, но и неведомыми путями забирался в самое сердце дома, сгустками прятался по углам и окрашивал стены дома серыми тусклыми красками. Иногда, правда, в доме в некоторых комнатах включали свет, чтобы что-то найти, переодеться, лечь спать. Но лампочки светили так по-желтому душно, что зажигать их не хотелось совсем. Мне не нравилось вечером у бабушки. Дом становился томным, грустным и даже пугающим. Будто из него кто-то большой и страшный выкачал смех, радость и детское счастье. Дом будто засыпал и отрекался от своих жителей, мол, живите здесь как хотите, а я в этом не участвую.

Обязательно задергивали занавески на окнах. Но это были непривычные толстые портьеры, а белая ткань сродни современным жалюзи. Сначала окна закрывала тюль в дырочку с рисунком роз, чтобы в комнатах было красиво. А затем посередине окна, ближе к стеклу, на гвоздиках протягивали тонкую веревку, на которой гармошкой висели белые прямоугольники хлопковой ткани. Как только приходил вечер, ткань задергивали. Заглядывая в такое наполовину зашторенное окно, можно было увидеть только верхушки стен, белый потолок и люстру. Если посмотреть на дом с улицы, то и правда, подумаешь, что тот засыпает, прикрыв глазасторки.

И в этот момент мне страсть как хотелось домой. Я выжидала минуты, когда к деревянному забору, остановившись возле тротуара, подъедет «Волга» Тогда собаки взорвутся лаем, изображая из себя настоящих защитников. Я сорвусь с места и побегу из темного, дремлющего дома.

Приезду папы я не могла нарадоваться. Подпрыгивала на месте, подхватывала вещи, прощалась наспех с девочками. В основном вечером оставалась Оля, она погружалась в заботу о Джине, иногда слушала музыку на кассетном плеере или читала книги. Марина уходила гулять с друзьями, дома вечером ее было не найти. Дед Лёшка лежал на софе и мерно вздыхал. Когда приезжал папа, дед выходил, встречал его, чтобы сесть на завалянку и выкурить папиросу. Папа садился рядом, угощал деда сигаретой с фильтром. Дед, затянувшись, громко откашливался и заводил разговор с папой. Им всегда было, о чем поговорить — техника их объединяла. Дед старался рассказать истории о прошлой работе и заслугах, которые теплыми воспоминаниями грели его старческую душу.

Я изводилась, ходила вокруг, пританцовывала, ждала папу. Втягивала в легкие горький дым сигарет. Тогда никто не считал это плохим примером, никто не говорил: «Уйди, не дыши дымом» Тогда дети были детьми. Они хоть и вились возле родителей сорняком-березкой, но послушно ждали взрослых. Мы изнывали в безделье, а разговорам не было конца и края, но не ныли и не стонали. Взрослых нужно слушаться, ждать и уважать.

Если папа задерживался, внутри рождалось беспокойство. А вдруг родители бросят, забудут, и мне придется остаться здесь, в бабушкином доме? Я боялась дом, пугалась его темноты, рисовала себе в воображении нелепые картины чего-то потустороннего. Но на самом деле, я просто боялась разлуки с родителями. Для маленького ребенка — это серьезный страх, что

проникает и остается с тобой на уровне инстинктов. И ты ребенку никакими словами не объяснишь, что бояться не нужно, что все будет хорошо.

Папа приезжал всегда. Один раз только меня маленькую оставили у бабушки, а родители уехали на свадьбу. Стояло лето, было жарко, мы спали на полу. Все, что я помнила, это ночь, тусклый свет лампочки в коридоре и невозможность крепко уснуть. Мне тогда еще не было и трех.

Ближе к десяти годам, в последние годы жизни бабушки, я поняла, что ничего не боюсь. Ушли все тени, страхи. Развеялись в одночасье. И я оставалась у бабушки ночевать, ложилась с ней в одну кровать. Мы разговаривали. Для меня эти беседы были как глоток воздуха. Бабушка рассказывала про прошлое и давала напутствие: «Мы жили тяжелым трудом и с верой в светлое будущее. Строили коммунизм. Мы знали, для чего и зачем все это делаем. Но теперь Советский Союз распался, строй переменился, все изменилось. Но как бы ни было, твори свой путь, дочка, не бойся. Мы были другими, а у вас своя жизнь и совсем другое время». Говорила бабушка с вызовом, затем переходила на легкую беседу о насущном и быстро засыпала. Приходилось дожидаться утра и заново начинать разговор, ибо я не решалась будить бабушку. Тогда я выключала лампу-свечку, отворачивалась к синтетическому ковру, что висел на стене, и спокойно засыпала под монотонный глухой стук ее уставшего сердца.

Глава 4. Бабушка

Бабушке Клаве исполнилось шестьдесят два года, когда я родилась. Я не помню бабушку молодой, сильной и пышущей здоровьем. Дело в том, что бабушка поздно вышла замуж, поздно родила дочерей. Моя мама тоже не торопилась и вышла замуж — за уже сложившегося характером мужчину под сорок — в свои двадцать семь лет.

Молодую бабушку я видела только на фотографиях. У бабушки были шикарные волосы. Совсем юной она разделяла волосы на прямой пробор и плела косы, каждая из которых в три пальца толщиной. Когда стала молодой девушкой, как того требовала мода, высоко зачесывала волосы назад и опять заплетала косу. Распущенными, волосы распрямлялись, не держали даже легкой волны и переливались красивым смоляным отблеском. Волосы пришлось отстричь после родов младшей дочери Аллы — голова стала болеть от тяжести волос, будто неведомая сила тянула каждый локон вниз, цеплялась у самых корней опоясывающей дланью.

Лицо у бабушки было квадратным. Сама бабушка его называла блюдечком, считала слишком круглым, особенно по молодости, когда щеки еще не припадают к скулам, а имеют игривую припухлость. Глаза голубо-серые не отличались выразительностью. Но бабушка обладала природным артистизмом. С такими глазами хорошо играть в театре на сцене или в кино. Бабушка могла бы одним взглядом передать всю суть монолога. Иногда она пользовалась этим, когда играла с нами, детьми. В меру широкие губы и добрая улыбка, которую бабушка прятала на черно-белых фотографиях.

Мать бабушки, Мария Спиридоновна, строгая, волевая астраханская казачка никогда не считала дочь красивой. Не удалась, не получилась Клавдия ни лицом, ни телом. Деревенская девочка с тугой косой, без особой грации, с возрастом прибавляющая в поясе. Слишком простодушна и честна, как ее муж — знатный рыбак Василий Константинович или проще, как запомнили внуки, дед Васька. Тот ничем особо не выделялся, окромя как добротой душевной, которая лилась через край так, что можно было по ней докатиться до самого Каспийского моря.

Деда Ваську в слободе Владимировской (тогда еще населенный пункт не имел статус города) знали все. Василий Константинович был мастак на рыбалку. В этом деле он поднаторел. Молодость провел на рыбном промысле на Волге, а после — на извозе. Имел высшую солдатскую награду — Георгиевский крест и множество медалей, полученных в Первую мировую. На досуге он занимался тем, что быстро и качественно умел вязать сети и бредни для ловли рыбы. За этим и ходили к нему и стар, и млад. Но вояки — отдельная прослойка населения, которая не только заказывала сети у деда, но и таскала к нему тормозные парашюты с самолетов. Парашюты дед с внуком Сергеем, что был рожден от старшего сына, растягивали на шелковые нити. Из них и изготавливали сети посредством тяжелого ручного труда. После того, как сеть 30-50 метров была готова, деду Ваське приносили магарыч, отмечали это дело в летней кухне под жареную рыбу с картошкой. А бывало вояки угощали деда выпивкой в парке у самого дома по улице Пушкина, где располагался деревянный буфет с мраморными столешницами.

У Марии и Василия было двое детей. Старшего сына называли в честь отца — тоже Василием. Мария сына считала настоящим красавцем. Она без зазрения совести отдавала ему лучшие порции еды, лучшие материи ткани шли на пошив именно его одежды и, конечно, похвала всегда звучала в сторону сына. Несомненно, сын был молод и хорош собой — широкие губы и глаза, высокие скулы и потрясающая шевелюра. В Василии мать видела свою кровь, свою похожесть. Высок, плечист, настоящий атлет и завидный жених. «Моя кровь!», — про себя думала Мария, и гордость приятно грела ее душу. Клавдия — младшая дочь — считалась посредственностью, а артистизм, доброта и искренность не брались в расчет.

Старший сын Василий прошел Вторую мировую связистом с сорок второго и по сорок пятый. Имел медаль за отвагу — тянул связь, когда над спиной шли обстрелы нацистов, а небо разрывалось шумом снарядов. После войны Мария еще больше загордилась сыном. «Надо же, какой молодец — под пулями лежал, а вернулся без единого шрама! Значит, под Богом ходит», — думала про сына набожная мать.

Клавдия же во время войны была еще подростком. Помогала по дому, таскала еду отцу, который из-за ранения мог трудиться только в тылу. Отец Василий валял валенки — дело настолько трудоемкое и времязатратное, что даже домой не приходил ночевать. После войны Клава окончила школу и уехала в Астрахань.

Клавдия очень любила детей. Еще девчонкой на зимовках она переняла всех маленьких деток, что имелись в округе. Ей нравились их ангельские лица с крохотными носиками, пальчики с размером с взрослый ноготок и чистейшая любовь в глазах-пуговках. Клава мечтала стать воспитателем или учителем начальных классов. Для этого отправилась в Астрахань и поступила в педагогический. Продержалась полгода. Училась она прилежно и старательно, но не могла петь. Раньше все педагоги должны были знать музыкальный инструмент и уметь петь, чтобы преподавать урок музыки своим ученикам. У бабушки в доме отродясь песен не слышали, мать Мария Спиридоновна только читала молитвы у красного угла, пока отец Василий плел сети в другой части дома, но более — никакой музыки. Клавдия стеснялась своего голоса. Звучал он как-то резко и вместе с тем глухо. Разве так подобает петь будущей учительнице? Засмеют ученики, да и экзаменационная комиссия не оценит. Клавдия завалила первую сессию и попросила брата Василия, чтобы тот подсуетился и перевел ее в Учетно-кредитный техникум, где она впоследствии отучилась на бухгалтера.

После учебы по распределению Клава попала в Калужскую область в маленькое село. Жили там очень бедно — в землянках с глиняными полами. Холодно и плачевно: то мышки, то вошки, то еще какая напасть. Клава терпела сколько могла, а потом опять поросила помощи у брата, чтобы подсобил, чтобы перевел обратно в слободу Владимирскую. За это время, пока Клавдия училась и работала, брат Вася успел жениться и родить сына Сергея. Мария смотрела на подрастающего внука и видела в нем то самое блюдечко. Ничего не говорила, но про себя думала, что у всех детей лица круглые, щеки надутые и «восемнадцатая вода» как-то вымоет.

Через два года после рождения сына Сергея, Василий погиб. Ехал ночью на мотоцикле по дороге из села Болхуны, там Василий расследование проводил, крупные хищения в колхозе образовались. Догнали мотоцикл на бензовозе, вроде как столкновение, нечаянно передавили. Привезли бездыханное тело Василия к дому по Пушкина. Мать Мария вышла, хватилась за сердце, а потом бросилась к сыну на грудь. Василия держали на руках чужие люди. «Мой сынок», — рыдала Мария и подмечала все еще красивые черты лица, пусть и с кровоподтеками, взъерошенными волосами, струйкой крови изо рта и пыльного. Такой молодой, такой красивый, со стеклянными глазами, смотрящими в безмятежное небо.

Когда внук Сергей был в третьем классе к дому пришел незнакомый мужчина. Мужчина позвал Марию и деда Василия. Вышли. Внук Сергей рядом бегал, хоть и повзрослел, но сильно ничего не понимал, бабушка его отгоняла, а он так и норовил подслушать. Незнакомый мужчина стоял, потупив взор, выпросил у деда сигарету, закурил, а потом признался, что это он сидел за рулем бензовоза. Это он задавил Василия. Вытащил старый платок с блеклым рисунком, раскрыл, а там пачка денег пятерками. Просил простить его и деньги забрать. Не хотел он этого делать, подговорили, а теперь места себе не находит. Да и деньги ему не нужны. Мария плакала горькими слезами. Денег не взяли, сказали, чтобы ступал себе и больше здесь не появлялся.

Клавдия вскоре вышла замуж. За Алексея — труженика-тракториста, что жил здесь же рядышком по улице Ленина. Родились у них дети. Старшая Иринка — темноволосая, губки-

уточкой супила, когда думала, зевала сладко и засыпала на руках матери. Только вот случился у Иринки такой отит, что казалось — не выживет бедное дите, до года похоронят. Но отошла потихоньку, поправилась и росла здоровой девочкой. Правда, Алексей повторял многократно: — Сына хочу, сына!

Через пять лет Клавдия родила. Вторым ребенком опять стала девочка Наташа, с густыми, как смоль, волосами, пухлыми губами, а глазами зыркала так, будто про всех все знала. При этом Наталья спокойная была и тихая. Оставит ее мамка у родителей, а сама побегит в типографию работать, бухгалтерские учеты вести. Дед Васька возьмет Наталью за руку, заведет в дом или в летнюю кухню, накидает ей лоскутков, да деревяшек. Наташа вошкается, вошкается, если совсем тихо стало — значит заснула. Где играла, там и уснула — чаще всего под столом.

Еще через два года родилась Алла. Волосики короткие, глаза огромные и бескрайние словно морские берега, хлопала Алла ресницами будто крыльями. Правда, на сестер своих вовсе не похожа — ни лицом, ни фигурой, будто из другого табора привели.

Бабушка Клава любила ходить беременной, сама признавалась, что это лучшее время. С внуками тоже со всеми перенячилась. Приходила к дочкам на помощь, купала, баюкала. Да, так сложилась жизнь, что дочери тоже родили дочек. Как дед ни просил, но так не появился у него ни сын, ни внук. Он пробовал учить старшую Иринку ездить на мотоцикле, брал с собой на охоту и на рыбалку. Однажды выкинул с резиновой лодки, чтобы та научилась плавать. Хотел сделать пацана, но девочки оказались настоящими девочками.

Бабушку я застала уже с приятными лучистыми морщинками вокруг глаз. У нее уже не было того круглого лица и никакого блюдечка, как она про себя говорила. Наоборот, овал заострился к подбородку и открыл взору складки на стареющей шее. Стрижку она носила короткую, под мальчика. А волосы были не просто седые, они были цвета светло-серого пепла. Волосы вились в мелкие кудряшки, которые ей делала младшая дочь-парикмахер при помощи химической завивки.

Однажды Алла покрасила мать в каштановый. Бабушке не понравилось, она долго ходила, мучилась. С дуру купила темный тоник, покрасилась в летнем душе. Волосы стали чуть отливать фиолетовым на концах. Бабушка плюнула на это дело и стала ждать, пока отрастут. Больше экспериментов не проводила.

А еще бабушка никогда не носила косынок, платков и не покрывала голову, как делали остальные бабушки в годах. Вместо платков она пользовалась ободками с зубчиками. Зачесывала волосы, надевала гребень-ободок и слегка надвигала его ко лбу, чтобы волосы спереди красиво поднимались. Но вот утром, после сна, короткие волосы торчали у бабушки в разные стороны и напоминали непослушные растянутые пружинки. Седые волосы будто лучики устремлялись в разные стороны, бабушка казалась тогда невероятно смешной. Разве могут с такой прической просыпаться сердитые и злые люди?

Носила бабушка зимой длинные юбки, летом — платья в мелкий цветок. Бабушке очень шли шляпки. Если бабушка надевала на голову шляпку, в ней сразу рождался артистизм, игривость и живость. Это видели мы, дети, ведь бабушка преображалась, когда играла с нами. Но в других случаях — она прятала свои сильные стороны: солнечную улыбку, красоту, женственность — все это было под запретом. Отпечаток наложила сама жить и непростые отношения с мужем.

Глава 5. Дед Лёшка

Дедушка Алексей запомнился мне уже старым, худым, даже высохшим, и высоким, с такими длинными ногами будто стропилами, особенно, когда ты — ребенок. Через все его лицо пролегали морщины, они будто порезали кожу как лезвие и оставались глубокими ранами. Поседевшую шевелюру волос с залысинами дед зачесывал назад. Ходил в рубашках, в нагрудном кармане таскал пачку сигарет и очки на веревочке — квадратные с одной сломанной дужкой, перемотанной синей изолентой. У деда было два положения: спал на софе дома или сидел на завалинке кухни и курил. От кончиков пальцев до кончиков волос дед был пропитан табаком и бесконечным дурманом зеленого змия.

Дед Лёшка часто просил внучек сбегать ему за сигаретами в магазин, что находился напротив проходящей шумной дороги. В такой момент у каждой внучки появлялись свои обязательные дела. Никто не хотел помогать ему, никто не обращал внимания просьбу, и на то, как скрежетал голос, будто несмазанные петли ворот. Оксана — старше меня на год — вызывалась первой. Ей было жалко деда, его поникшие плечи, сгорбленную сутулую фигуру над мателлической тростью. Оксана бежала в магазин — продавщицы знали, что это деду — за бело-голубой пачкой с самолетом ТУ-154 или красной «Примой». Он держал сигареты между указательным и средним пальцем, а большой слегка оттопыривал, бил по фильтру большим пальцем, стряхивал пепел. От того его широкие ногти имели старческий желто-коричневый оттенок. «Приму» без фильтра с долей роскоши вставлял он в потемневший малахитового цвета мундштук и растягивал удовольствие, особенно, если был навеселе.

На фотографиях ранней молодости дед Лёшка — очень красивый мужчина: сочные губы, прямой нос, густые брови, волевой взгляд. Высокий с гордо выпрямленной спиной создавал чувство, что мир не прост, но он знает, что делает.

Алексей Иванович родился в семье простых рабочих. Отец Иван работал, как и многие тогда, в колхозе. До войны трудился кладовщиком на складе. Другие воровали зерно, таскали домой. Иван осуждал воровство, говорил: «Я ни одного зернышка не принесу курам, горсти не положу в карман». Страсть, как любил он честность, а еще сидеть перед радио и слушать политиков. Все политические новости, все съезды партий и выступления коммунистов слушал, не отрываясь. Но при этом не вступал в споры, не любил лишний раз слово сказать, все молчком делал.

Дарья — мать Алексея — женщина была статная, высокая, работала, как и муж, в колхозе. Жили бедно, зарабатывали честным трудом. А иногда это был тяжелый труд. Так Дарья молодой девушкой ходила в Астрахань на промысел — там в больших бочках рыбу засаливала. Неудачно повернулась, оступилась и упала попой на бочки, ударилась больно об их железные крепления. Повредила себе копчик. В те годы медицина не была настолько развита. Зажило как-то все само, правда, потом каждые роды проходили у Дарьи тяжело — на живот давили, детей вытаскивали щипцами. А рождала Дарья много раз, семь или девять детей. Выжило только трое. Раньше не лекарства и больницы выбирали, кому жить и ходить по земле, а естественный отбор оставлял самых сильных. Отец Иван горько плакал, кажется, впервые в жизни, когда умер маленький Коленька. Отчего-то он ждал этого ребенка, даже живот поглаживал жене, не думал ни о чем плохом, только о хорошем. И Коленька получился таким славным, таким крохотным ангелом с черными кучеряшками. Дожил до шести месяцев. Когда он умер, жалко было так, что жили в душе хотелось порвать. Правда, что толку, когда не вернуть.

Еще один мальчик Витя дожил только до четырнадцати лет. Ему сломали позвоночник на школьной игре «Куча-мала». Дворовая забава — перепрыгивать друг через друга — оказалась ценою в жизнь.

Пришел тогда Витя домой, говорит, что больно, сильно больно. Припухать шея начала, туда же ведь соседский дружок попал, когда прыгал. Жаловался Витя, что ни ногу, ни руку поднять не может. Сделали рентген — ничего хорошего. Сказали, что позвоночник выбит. Вите лучше не становилось, на том месте, куда пришелся удар, горб начал расти. Местные врачи развели руками и отправили в Астрахань.

Лежал Витя в Астрахани два года. Мать Дарья — ездила к нему на перекладных — долгая тогда дорога до Астрахани была. Каждый раз Дарья собирала яйца, масло — чужим людям гостиниц и докторам. Когда мать приходила в палату к Вите, тот плакал и просил, чтоб не уходила. «Мама, как хорошо жить на свете, когда ничего не болит!» — жалобно просил мальчик. Каждый раз Дарья ехала домой и плакала, ночами не спала. А потом телеграмму дали, что Витя совсем плохой. Так и не стало Вити, похоронили в Астрахани.

Самыми живучими оказались последние. Дед Алексей получился старшим, за ним шел Анатолий и Валентина. Анатолий решил учиться. Сам окончил школу, поступил в Новочеркасск на инженера, по распределению попал в Нижний Новгород на автомобильный завод. По карьерной лестницы дошел до назначения директора, но так и не смог встать на должность — погиб в автомобильной аварии.

Валентина — единственная дочь Дарьи и Ивана. До этого в их семье рождались мальчишки. Девочка получилась славной: круглые щечки, волосы-пушинки, глазки-пуговицы. Алексей любил маленькую Валю сильно. Защищал перед отцом, прикрывал за все шалости, баловал, сажал к себе на колени и катал, а она смеялась. Когда Алексей отправился в армию, привез лично Валентине из Риги маленькую кожаную сумочку — настоящий ридикюль на железных застежках. Привез и познакомить своего друга, сулил Валентину — еще ребенка — тому в жены. Но не случилось. Валентина выучилась на учительницу начальных классов, вышла замуж за будущего заслуженного штурмана СССР, и после того, как родила двоих детей, уехала за мужем жить в Подмосковье.

Дед Лешка учиться не хотел. Слишком много времени отнимала учеба. Да и жили родители бедно. Когда там учиться в послевоенные годы, когда семье помогать надо, младшие есть хотят. А обувь? А одеть? Надо. Да и к тому же Алексей во время войны работал прицепщиком. Прицепщик — это человек, сидящий позади трактора и смотрящий за прицепным оборудованием — плугом, сеялкой, сенокосилкой. Работа была несложная — сиди себе, да следи, чтобы тот же плуг правильно шел. Но вот только из-под плуга летела пыль, земля, трава и прошлогодние посадки. Поэтому работа была хоть и простая, но грязная, пыльная, да и платили мало. Но для мальчика, которому считали трудодни в войну и выдавалась зарплата зерном, хлебом, картошкой — это была большая помощь родителям. Поэтому в свои пятнадцать лет он забросил учебу и пошел работать. Работал он в колхозе с утра и до самой зори. Пока солнце не опускалось за горизонт, домой не приходил.

В восемнадцать лет отправился в армию в Ригу, определили водолазом. Пробыл там три года, заработал Кессонную болезнь — это когда организм начинает болеть от резкого перепада температур и давления. А еще в те годы всех военных поголовно учили танцевать вальс. Обязательно танцы и музыка, даже на войне, даже если тяжело — потому что музыка и танец заставляли жить. Без песни и в бой не пойдешь.

После войны, пришел домой и опять работать в колхоз, уже на трактор. Трактор под дедом слушался, а он слушал его, как работает двигатель, как трансмиссия заставляла колеса двигаться, как тянет за собой плуг. Но дед не просто слушал трактор, он его понимал. Трактор деду отзывался, будто ручной зверек. А когда его ручной любимец ломался, он делал все, чтобы снова заработал, не отходил от трактора, как от больного, которому срочно нужна реанимация. Со временем он настолько приналовился, что собрать и разобрать мотор трактора мог закрытыми глазами. Только сломанная машина оказывалась в мастерской, он по шуму определял, какая неисправность. Трактора и технику он знал, как свои пять пальцев.

Алексей стал отличным трактористом, потом мастером, а затем и начальником мастерских. Но это будет чуть позже. А пока на его пути встала любовь. Милая девушка, с которой он чувствовал страсть, безумие и первую настоящую любовь. Он смотрел ей в глаза и в венах закипала кровь, и уже трактора не звучали и не стучали так, как звук собственного сердца. Но у Алексея был один огромный недостаток — ревность. Ревность заставляла воспламенять душу, выворачивала на изнанку, она как огонь — испепеляла все вокруг, становилась пожаром, стоило только поджечь. И подожгли. Да так подожгли, что Алексей разорвал все отношения с девушкой. И даже ее беременность не остановила Алексея. Он нашел себе другую, в отместку.

Алексей ходил с Клавдией под руку. Клавдия — девушка уже не юная, двадцать шесть лет, но из хорошей семьи, добрая, порядочная, ни одного плохого слова про Клавдию никогда никто не слышал. Клавдия же смотрела на него внизу вверх и удивлялась, как раньше его не заметила. Молодой, высокий, с мускулами на руках от тяжелой работы, с ямочкой на щеке, когда улыбался, с копной каштановых, отливающих золотом, волос. Клавдия смотрела на него и сердце трепетно отзывалось: «Красивый и смотрит только на меня. Неужели счастье?». Клава наконец увидела в его глазах свою же красоту и влюбилась. Хотя с кем-то она действительно чувствовала себя красивой. Алексей же не испытывал таких огромных чувств. Сердце скулило и ныло, он не понимал, отчего — то ли от новой любви, то ли старая еще не перегорела.

А прошлая любовь, и правда, не перегорела. Девушка сделала оборот и в тот же день пришла на квартиру одного из товарищей Алексея, там часто собиралась компания молодых людей, сидели, общались, песни пели. Девушка смотрела на Алексея с вызовом, ее глаза будто говорили: «Не сломал меня и не сломаешь. Посмотрим, кто кого». Сердце у обоих рвалось от гнева, ненависти, обиды друг на друга и страсти, которая не успела еще перегореть. Дед сказал: «Женюсь, парни!». А девушка сидела, сжимала губы зубами, лишь бы не заплакать, лишь бы не болело так сильно, смотрела на друзей, злобно сощурившись, и думала о своем.

Накануне свадьбы на той же квартире друзья рассказали Алексею, что Клавдия гулящая. А что он думал, почему ее замуж не берут? Почему ей двадцать шесть лет, а до сих пор в девках ходит? Знамо! С мужиками трется из колхоза. Видели ее? Не точно! Но ведь рассказывают. А кто рассказывает? Да там... но рассказывают же!

Злость, ненависть и обида опять вскружили голову Алексею: «Нельзя верить, бабам, нельзя. Все они одинаковые. Все из одного теста сделаны».

— Свадьбы не будэ, — заявил Алексей матери вечером на кухне.

— Как так не будэ? — руки у Дарьи опустились.

— Не будэ, я сказал и всё! — ударил кулаком по столу Алексей — Уеду!

— Как уеду?

Наступила гробовая тишина. Алексей сидел и не смел смотреть в глаза матери, потому что понимал, все готово к свадьбе. Холодцы наварены, мясо порублено, каравай и пирожки напекли, соленья и компоты в банках улыбаются пузатыми боками. Шатер на улице неделю мастерили, скамейки и столы у всех соседей собрали, двор намели, лампочки повесили, баяниста наняли. Костюмы, да платья купили и выгладили, народ позвали, а он? Как в глаза людям смотреть?

— Клава, хорошая, красивая, — бросилась в ноги к брату тринадцатилетняя Валя. — Леша, не бросай Клаву. Она такая хорошая, она такая добрая.

Валя плакала навзрыд. Ей и, правда, полюбила Клавдия за доброту, за чистую любовь, которой она одаривала каждого ребенка. И Валя не понимала, всем своим еще детским сердцем, как можно бросить в канун свадьбы невесту. К тому же, позора не оберешься. Вся Владимировка судачить будет, перешептываться, переглядываться, осуждать начнут Клавдию. Не дело! Плохо это.

Алексей смотрел, как плачет горькими слезами Валентина, затем махнул рукой и согласился на свадьбу. Клава, правда, была красивой женщиной — с игривыми глазами, подчеркнутыми

той дужкой губ, толстой косой. Она молчаливо внимала мужу, и внутри разливалась гордость за сделанный в ее жизни выбор. Алексей же был холоден, курил часто, отходил от невесты, разговаривал с мужиками. Клава воспринимала все как должное. Она и не подозревала о том, что случилось. Не знала она и про девушку, которую бросил Алексей. Не догадывалась, какие сплетни про нее распустили. Клавдия была счастлива в своем неведении и верила, что начнет хорошую жизнь с человеком честным, трудящимся.

В тот день стояла прекрасная погода, на небе ни облачка. Деревья преобразились, зелень сочная, пионы набирают бутоны, а сирень цветет и запах ее разносится по всем дворам. Но в середине свадебного застолья поднялся ветер, откуда ни возьмись организовался смерч. Люди опешили, застыли. Пыль поднялась, прошла по столу, веселилась, словно говоря: «Я вам покажу, как праздновать. На чужом горе счастья не построишь. Запомни, Клава! Запомни!» А потом разом все стихло, будто ничего и не было.

Бабушка часто повторяла нам, детям, что выходить в мае замуж нельзя.

— Почему, — спрашивали мы?

— Маяться будешь, всю жизнь промаешься.

— Как ты с дедом?

— Да, как я.

Клавдия не сразу поняла, в чем дело. Почему вдруг все переменялось, почему холодность стала во взгляде мужа. Свою боль Алексей гасил в спиртном, а когда напивался и возвращался домой, то начинал выговаривать все, о чем на трезвую голову бы промолчал. Он не верил жене, ревновал, говорил, что гулящая, что все про нее знает. Он наносил удары словами, говорил гадости, желая сделать больно. Чтобы поняла, какой бывает настоящая боль, такая боль, от которого не найти исцеления. Такая боль, что заставляет обезличить в тебе все хорошее, что когда-то было. Боль, что ломает изнутри и не дает жить ни себе, ни другим.

Не только алкоголем можно глушить душевные муки. Иногда помогает труд. Займешься работой и выйдет физически из тела все, что копится внутри. И Алексей работал. Алексей считался хорошим работником, умел руководить, имел партбилет, старался план перевыполнить. Не отказывал в помощи всем, кто приезжал к нему с поломкой. Денег за работу не брал, не считал нужным — в этом он был честным, как и его отец. Но менталитет у нашего народа такой, что за любую работу нужно что-то дать, чтобы в другой раз опять прийти. Везли с колхозов деду арбузы, дыни, овощи, рыбу в бочках. Уголь на зиму, дров. Чем могли, тем и благодарили. Ну и, конечно, таскали магарыч. Где один, там и второй. А зеленый змий — он такой, не дремлет, чем больше пьешь, тем больше требует.

К сожалению, я не помню деда Лёшку другим. Только с сигаретой, только в душном алкогольном опьянении. Дни трезвости бывали редки и удивительны. В здравом уме дед гневил постсоветское пространство, с камнем на душе смотрел цветные новости по телевизору и не понимал, куда катится мир. Мы никогда не обнимали деда, ни говорили по душам. Но я помню как он запевал свою любимую песню про море, вспоминая военную службу на морском флоте. Запевал её грубым голосом, на середине срывался и наливал ещё стопку. Он плакал сухими слезами о чем-то своем, о чем-то таком личном, куда нам входа не было.

Да и вообще нам детям всё это казалось забавой. Пьяный дед, над которым можно было подтрунивать. Все равно не догонит, а мы — маленькие дети, что с нас взять?

Алексей Иванович — когда-то умный, мастеровой, уважаемый мужчина, превратился в беспомощного деда, зависящего от алкоголя. Только он не понимал, что зависит он не только от спиртного. Клавдия все эти годы была его якорем, держащим на плаву. Она вытягивала его из всех болезней — желтуха, прободная язва, заворот кишок, переломы. Она выдерживала все обвинения, покорно терпела все пьянки, гулянки и ссоры. Почему? Зачем? Неужели, не могли жить по-другому?

Это сейчас нам умные умы рассказывают, что плохого отношения к себе терпеть нельзя. Что человек имеет право выбирать, какой жизнью ему жить. И что оставаться там, где плохо, ни в коем случае нельзя. Нужно идти к психологу, нутрициологу, астрологу и ко всем остальным умным умам, а не страдать.

Но раньше все было по-другому. Вышла замуж — живи, плохо с мужем — терпи. А разводиться — не смей. Что скажут люди? Разведенка. А кому дети твои нужны? Никому. На детей в школе пальцем буду показывать, хочешь? Нет. И куда ты пойдешь с тремя детьми? Никуда. Поэтому держись за мужа. Какой никакой, а деньги приносит. Ну пьет, сейчас все пьют. Главное, что не бьет — и на том спасибо! Вот и вся философия семейной жизни советского человека.

Я помню, как бабушка сидела за столом на летней веранде дома, сжав пальцы в замок. Голову слегка наклонила набок и невидящими глазами смотрела куда-то вдаль. Взгляд ее был полон печали и задумчивого тумана. О чем она думала? Жалела ли она, что жизнь прожила вот так — в упреках и ссорах? Что никогда не была по-настоящему счастлива? Что не знала ни любви, ни заботы? Что не испытала той поддержки, когда можно закрыть глаза и падать душой и телом в руки любящего человека, а он всегда подхватит. Улыбнется, обнимет, подставит плечо.

Бабушка так и не привыкла к ссорам, мотанию нерв и алкогольной зависимости мужа. Она не смогла отрастить толстую кожу, не смогла закрыть в сердце дверь и ничего не чувствовать. Каждый раз от его слов ей было больно как в первый. Каждый раз kloкотало сердце и захлебывала горечь обиды. Она так и не стала циничной, боевой, жесткой. Не смогла. Душа рвалась в клочья, слезы катились из глаз. Чертова жизнь! Чертова доброта! Чертова сердечность! «За что?» — задавала она глухой вопрос себе в сердцах. Ответа не слышала. Утирала слезы, махала головой и шла заниматься делами. И все же, как бы там ни было, бабушка Клава была сильной женщиной. Ибо надо иметь внутри много света, чтобы пронести его через всю жизнь и не расплескать.

Глава 6. Дети

Когда приезжала тетя Ирина и привозила двух дочерей — Марину и Олю — мир преобразался. Солнце разливалось по бетонным дорожкам, бликами запутывалось в кроне деревьев. Воробьи чирикали восторженно, дом улыбался раскрытыми зелеными ставнями, гладиолусы спешили распуститься раньше срока.

Ирина — старшая дочь — в попытках заработать больше и жить лучше очутилась в Усинске — в городе, что находится в республике Коми. Усинск от нас очень далеко, за тридевять земель — раньше мы с сестрой Оксаной так думали, но мнение мое не изменилось. И если бы не тетя Ира, мы бы в жизни не знали, что есть такой городок, где идет добыча нефти и работают крупнейшие российские нефтяные компании.

Ирина не просто добилась хорошей должности и зарплаты. Она стала для нас женщиной-праздник. «Гуляем», — будто кричала она, заходя в дом, и невидимым шлейфом за ней тянулись шумные танцовщицы кабаре в цыганских юбках с бубнами и плясками. Ирина привозила всем подарки. Маленькие, но подарки.

— Иринка, ну что ты каждый раз выдумываешь, — наперебой голосили моя мама Наташа и бабушка Клава. Я же не могла дожждаться, когда получу свой подарок. Подарки для нас с Оксаной, что старше меня на год, дарились одинаковые, чтобы мы не переругались: голубые кофточки-поло из полупрозрачной ткани, однотипные футболки только разного цвета, комплект ночнушки. Однажды тетя Ира посадила меня на дедову желтую софу и загадочным голосом начала объяснять вещи, которые должны были запомниться на долгие годы вперед. Но в висках стучала одна единственная мысль: «Что же там? Что!» Моя крестная Ирина достала бархатную коробочку, раскрыла ее, а там.... Там лежала золотая цепочка приличного качества. Я испытала шок. Потому что думала, а могу ли принять такой серьезный подарок? Я же маленькая, это мое первое золото — ценное и дорогое. А еще я думала, что одна получила такую цепочку. Но крылья гордости мне быстро обломали, когда я увидела у Оксаны на шее точно такую. Старшая дочь Ирины — Марина — крестная мать для Оксаны. Да и если цепочку подарили одной, другой тоже надо.

Когда приезжала Ирина, у нас появлялись не только подарки, холодильник ломился от провианта. Закупались натуральные продукты: масло, творог, сметана, молоко, чтобы дочки всего попробовали. На полу на летней веранде в упаковках стояла газировка, к выходным пиво, тогда популярное в полторашках. На столе выставлялось хорошее кофе и чай подороже, чем покупала бабушка. И если бабушка на всем экономила, то Ирина хотела удивить, хотела показать, чего достигла в жизни и теперь и она может одаривать маму. Только благодаря тете Ире я тоже научилась делать подарки. Копила деньги, а потом ходила в «Восьмой магазин», долго стояла у прилавка с посудой и выбирала подарки. Маме я купила на день рождения стопки и стаканы, а тете Ирине подсвечник в виде статуэтки голой женщины — это было своего рода ответное спасибо на привезенные ей подарки.

Сколько помню тетю Иру, у нее была короткая стрижка, которую она укладывала при помощи фена или горячих бигуди. Когда приходили гости — собирались на ее день рождения или на приезд/отъезд — она считала, что нужно выглядеть хорошо. Сначала в душ, затем сделать укладку и накраситься.

— А это обязательно? — для меня, маленькой девочки, было в диковинку краситься, чтобы сидеть во дворе под навесом летней кухни с тем, кто тебя видит обычной. Одно дело идти на какое-то мероприятие, а тут твои же сестры придут. К тому же, моя мама Наташа редко пользовалась косметикой. И все эти многочисленные тубики, баллончики и палетки вызывали во мне дикий восторг.

— Красивой нужно быть всегда, вне зависимости от места и действия, — говорила тетя Ира и доставала зеленые тени. Она брала палочку-аппликатор с поролоновой подушечкой и ловко наносила тени одним махом: сначала в одну сторону, затем в другую, под глазами тоже наносила зеленый. Ирине шел зеленый цвет, правда от жары, что стояла летом, макияж плавился. Но главное, не как ты выглядишь, а как подаешь себя — от подачи и внутреннего чувства уверенности зависит многое. Ты можешь одет в обычные одежды, а перед тобой будет лежать целый мир.

Ирина научилась быть красивой, хоть никто никогда об этом в детстве не говорил. Но она смогла воспользоваться природным обаянием, игрой кокетки, артистизмом, которыми наградила ее мать Клавдия. А еще она любила чувствовать себя богатой. На каждом пальце по кольцу, особенности она любила перстни, на шее — толстая цепочка с круглой подвеской, в центре которой помещался знак зодиака «лев». Для меня, тетя Ирина считалась — звездой, таким счастливым порхающим лучиком, которая не давала никому унывать, особенно себе. Она молчала о том, как было ей тяжело и не всегда просто в чужом городе, без мужа и поддержки. Молчала, и ей это хорошо удавалось.

Ирина родила двух дочерей. Марина — старше меня на целых девять лет — настоящая девочка, любила наряжаться и краситься, крутиться перед зеркалом. Ольга — младше Марины на 3 года — пацанка, любила тяжелую музыку, смотрела футбол, носила футболки и приезжала к бабушке с собакой. Собак у Ольги было много, но самая знаменитая, что приезжала из года в год — это боксер по кличке Джина. Джина была дрессированной и вежливой собакой, ненавидела кошек и пьяных (к деду это не относилось). Обожала подходить к бабушке Клаве, когда та садилась в кресло, и подставляла ей спину, чтобы бабушка ее чесала. Джину гладили все, но больше всех она выделяла бабушку. Для таких мер Ольга даже привезла специальную чесалку.

— Ну, Жи-Жи, — говорила, смеясь, Ольга, когда собака к ней приставала с ласками, лезла целоваться, а точнее лизать языком.

Я к собаке относилась настороженно и особой любви не питала. Хоть она и дрессированная, но ее слюни, что стекали в жару водопадами с обвисших щек, гасили во мне любую эмпатию.

Средней дочерью бабушки Клавы стала Наталья — моя мама. Наталья в детстве имела белоснежную кожу и черные смоляные густые длинные волосы. Однажды приехала из Москвы с гостей с короткой стрижкой до плеч и завивкой, что делали волосы высокими, воздушными и разлетающимися, словно лучики, в разные стороны. Бабушка Клава за сердце схватилась, когда увидела, что дочь сделала со своими роскошными волосами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.